

Борис Сапожников

**БОЛЬШАЯ
ИГРА**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
С19

Серия «Историческая фантастика. Эпоха Империй»

Художник обложки: *Владимир Гурков*

Сапожников, Борис Владимирович

С19 Большая игра / Борис Сапожников.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 413, [1] с. (Историческая фантастика. Эпоха Империй).

ISBN 978-5-17-098276-9

Альтернативный XIX век. Не изобретен порох, но до сих пор существуют гладиаторские бои, и граф Остерман-Толстой, изгнанный из светского общества, зарабатывает на жизнь участием в них. Однажды ему и его товарищам пришлось столкнуться с необычным противником — существами, в чьих жилах течет не только человеческая кровь. Появился новый враг, общий для всех людей, и как это повлияет на Россию, недавно пережившую и в этой реальности Крымскую войну?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 15.06.16.

Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Борис Сапожников, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Мечь принца Альберта

Глава 1

ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

Лондиниум — старинный город, основанный еще римлянами на берегу реки Темзы. В те незапамятные времена он был самой глухой провинцией, некой Тмутараканью, куда посылали за смертью в порыве гнева своих недругов не сдержанные на язык плебеи, а быть может, и патриции. Кто же знает, каковы они были — те патриции? Вполне возможно, не изъяснялись высоким штилем, как в тех письменных источниках, что дошли до наших дней. Бог весть какими увидят нас потомки лет через полтысячи. И я был уверен, что, глядя на арену гладиаторских боев, они вовсе не изрекали ничего высокопарного, а орали и галдели, подобно громадной стае чаек, вьющейся над свалкой.

Я не любил Лондиниума, как, впрочем, и всего, что так или иначе связано с Британией и всем британским. Особенно же меня раздражал здешний язык. Даже немецкое «гавканье» куда приятнее на слух, нежели местная речь. В каждом немецком слове слышится стальной отзвук мощных боевых машин, готовых смести все живое с поля боя, лязг доспехов германской тяжелой кавалерии, которая немногим уступает этим самым

машинам. У англичан же вечно словно каша во рту. Порой разбирать их бормотание весьма не просто, особенно когда твой собеседник пьян в доску или уже успел сделать хорошую затяжку опиума. И ведь именно с такой публикой мне — графу Остерману-Толстому, сыну героя Революционных войн, чей Егерский корпус штурмовал в составе Коалиционной армии Лютецию Парижскую, — приходилось общаться чаще всего. Конечно, в то время, когда я не развлекал почтеннейшую публику смертельными боями на арене цирка. А с кем еще прикажете общаться лишенному чести, хотя и оставшемуся при ничего не значащем титуле дворянину?

Много лет, после того как меня публично ошельмовали и сломали шпагу над моею буйной головой (предварительно сорвав эполеты, все полученные за несколько лет службы и Крымскую кампанию награды, а после и сам мундир), я кочевал по дорогам Европы вместе с группой таких же изгнанников, чьим ремеслом была война. И только война. Теперь же им стало банальное убийство — да еще и на потребу публике, прикрытое, словно фиговым листочком, словом «игроки».

Теперь нас — гладиаторов — принято было именовать игроками. Как будто от этого менялся смысл нашего кровавого и жестокого дела. Мы развлекали почтеннейшую публику, собирающуюся поглазеть на чужую смерть и чужие страдания на аренах древних цирков, оставшихся еще со времен Римской империи. Или же на специально наспех сколоченных трибунах, возведенных прямо на центральных площадях небольших городов. А для тех, кто попроще, так и вовсе на расчищенных площадках, окруженных вопящей и распадающейся от крови толпой.

Глава 1. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

В этот раз судьба занесла нашу команду в столицу Британии — в тот самый Лондиниум. Нас пригласили на Большие игры по случаю сороковых именин возлюбленной королевой и, как следствие, всей Британией принца Альберта. Принца Саксен-Кобург-Готского я ненавидел всей душой, и именно из-за последней трети его длинной фамилии. Ведь именно из-за нее консорт¹ Британии был великим магистром Готских рыцарей, которых я очень хорошо помнил по Арабату. Правда, сам он в Крыму так и не появился, хотя его портреты мы находили в захваченных шатрах новоявленных крестоносцев после страшного боя под Инкерманом.

Эти бессвязные мысли медленно текли в моей голове, пока мы на катере поднимались вверх по Темзе. Я стоял, опершись ногой на фальшборт, глядел на проплывающий мимо громадный город. Да, теперь Лондиниум нельзя назвать глухой провинцией. Пускай он и расположен за много верст от признанного центра Европы — Лютеции Парижской, однако уже давно предъявляет свои права на ее место. И не без оснований.

Достаточно только поглядеть на него, раскинувшегося по карте громадным спрутом, протянувшим вдоль Темзы по обоим ее берегам свои щупальца. Вытянувшего вверх закопченные трубы заводов, кующих промышленную мощь Британской империи. Он разделен на несколько крупных районов, называющихся боро, соединенных линиями метрополитена, поезда которого никогда не останавливаются. Даже под

¹ *Консорт*, или *принц-консорт*, или *принц-супруг*, — супруг правящей королевы, сам не являющийся суверенным монархом в своем праве (за исключением тех случаев, когда он сам является королем другой страны). Титулование — королевское высочество.

рекой проложены сырые тоннели, которые машинисты стараются проскочить как можно скорее, ведь обрушения в них еще не так давно были едва ли не обыденным явлением.

— Не стоит так глазеть на их город,— я и не заметил, как ко мне подошел Корень. Впрочем, он ходил почти бесшумно — сказала пластунская выучка. Я обернулся к нему, но он ответил прежде, чем я успел спросить, почему это мне, собственно говоря, и не поглядеть на Лондиниум так, как мне хочется. Была у него такая скверная и крайне раздражающая привычка.

— Ты волком глядишь,— сказал он,— будто ненавидишь весь этот город и каждого, живущего в нем.

— А что, если так оно и есть?

— Местным этого показывать не стоит.

Корень указал мундштуком своей неизменной трубки на сына хозяина катера — совсем еще мальчишку, крепко держащего румпель. Он кидал на меня совсем недружелюбные взгляды. Сказать по чести, мне было на это наплевать. Даже если задираться начнет — тем лучше, будет на ком зло сорвать. Его папаша, иногда выглядывающего из кочегарки, я ничуть не опасался. Мне не нравилось находиться в самом сердце ненавистного врага всего русского. Быть может, лондиниумские обыватели и не были мне врагами, как и большая часть населения Британии, однако их страна — другое дело. Не было у России врага более коварного, подлого, а главное — последовательного, нежели Британия.

— Нам перед ними еще драться,— заметил Корень, начиная аккуратнo набивать трубку.

— Уж точно не перед ними,— покачал головой я.— Выступать мы будем вон там,— указал я на монументальную громадину Лондиниумского Колизея.

Глава I. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

Его было видно почти из любой точки города — даже лес труб промышленных районов не загораживал этот памятник истинно британскому тщеславию. Здешний Колизей почти в полтора раза превосходил знаменитый римский, но все равно Олимпийские игры проходили только там. Это было главным условием барона де Кубертена, возродившего их в современном виде и ставшего первым и пока еще бессменным председателем Олимпийского комитета.

— Туда обывателей не допустят,— объяснил я.— Даже худшие места достанутся зажиточным купцам или армейским офицерам.

— А этим где развлекаться? — удивился Корень.

— Слушать в здешних кабаках — они пабами называются — трансляции по радио. Да и по всему городу откроют арены поменьше, но там будут сражаться игроки не нашего уровня.

— Вон как ты заговорил,— рассмеялся Корень.— Прямо прет от тебя господской спесью. Забыл, поди, как мы начинали и где.

— Не забыл,— ответил я.— Совсем не забыл.

Выгородка из веревок, едва сдерживающая орущую толпу, и неизменная грязь под ногами. Очень быстро земля становится грязью во время схваток игроков — даже в самые жаркие дни засушливого лета. Она легко напивается кровью, становясь жирной, будто чернозем, и липнет к одежде и коже так, что кажется, ее и не отмыть никогда.

— Тарас все еще не в форме после той заварухи у немцев,— сказал наконец Корень. Он явно пришел ко мне не затем, чтобы вести беседы о том, как я гляжу на Лондиниум.— Он храбрится, вид держит, но на

каждой тренировке видно, как ему больно. Надо его доктору толковому показать.

— Показывал уже,— с досадой отмахнулся я.— И знаю, что с Тарасом все совсем не так гладко, как ему хотелось бы. В Гамбурге врач сказал, что Тарасу нельзя выступать, как минимум, пару месяцев. Тот здоровяк-немец ему не только ребра попортил — он ему потроха все отбил напрочь. Внутренних кровотечений не было, по крайней мере тогда, но Тарас должен себя беречь.

— Так чего ж ты его с нами потащил?! — пыхнул трубкой Корень. Лицо его исказилось от гнева, густые, как и положено всякому уважающему себя запорожцу, усы встопорщились, будто у разъяренного кота.

— Он себя на тренировках не бережет,— пожал плечами я.— Да и что мне было делать? Бросить в Гамбурге, выдав его часть призовых, так, что ли? Надолго бы ему хватило тех денег, как ты думаешь? — Страсть к мотовству, присущая нашему рукопашному бойцу, была отлично известна всем в группе.— И где бы мы нашли так быстро другого рукопашника, а? Тарас даже не в форме даст сто очков форы любому игроку из тех, что могли нам предложить ланисты в Гамбурге. Ты бы хотел в нашу группу немца?

— Хватит уже,— пробурчал Корень,— совсем ты меня заклевал. Но выводить сейчас Тараса на бой — это ж убийство.

— Вот и присмотри за ним,— ответил я.— И я тоже буду приглядывать.

— Будет у тебя время приглядывать, как же.

Тут запорожец был прав на все сто. Тяжелому бойцу, если придерживаться старинной классификации,

Глава I. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

гопломаху¹, во время боя вовсе не до того, чтобы присматривать за рукопашным бойцом. Пускай у Корня тоже будет немало забот, но он все-таки намного быстрее меня и сможет при случае хоть чем-то помочь Тарасу.

Катер причалил к Гладиаторской пристани, расположенной ближе всего к Колизею. Я расплатился с его хозяином, воняющим гарью и виски мистером Смитом, и моя команда сошла на берег. Наше долгое путешествие по морю, а после — вверх по Темзе закончилось.

Я сходил последним, придиричиво осматривая по привычке всех своих бойцов.

Первым быстро, пружинисто шагал карабинер Армас Мишин — здоровяк с песочного цвета волосами и роскошными усами, каким, наверное, завидовал втихомолку даже Корень. Был он родом из Ингерманландии, вся родня его служила солдатами или унтерами в разных полках Российской империи. Он тоже начинал службу не где-нибудь, а в недавно организованном Карабинерном батальоне. Как и за что он оттуда вылетел, оказавшись среди игроков, конечно же, предпочитал не распространяться.

Почти не отставал от него стрелок Вахтанг Ломидзе по прозвищу Князь, стриженный под бокс молодой

¹ *Гопломач*, *Hoplomachus* (от греч. *hopla* — вооружение, *machein* — сражаться), — происходит от одного из трех самых первых типов гладиаторов, который назывался самнитом (как представитель пленных из Самнии) и в давние времена дрался с галлом и фракийцем. Это самый тяжелый и сильный из всех гладиаторов, обладает самым тяжелым снаряжением. Он вооружен большим щитом и мечом, а его основная тактика — защита.

картлиц с неизменной парой легких арбалетов за спиной. Как он управляется с ними во время боя, я до сих пор ума не приложу. Однако умудряется же каким-то образом, раз прошел уже в моей команде не один десяток игр. И почти никогда он не получал ранений, разве что самые пустяковые.

Третьим, слегка вразвалку, обычной своей походкой, шагал Тарас Гладкий — рукопашный боец. Он брил голову, как будто стараясь оправдать фамилию, и отказывался отпускать оселедец, чтобы придать себе сходство с запорожцами, какими их представляют обыватели. Он нес на плече мой тесак, делая вид, что не замечает его весьма серьезного веса. В этом был весь Тарас — никогда не показывать никому: ни публике, ни товарищам по группе, — что тебе бывает тяжело или больно. Он настолько не любил жаловаться, что врачам приходилось иногда из него информацию едва ли не клещами вытягивать. Порой до смешного доходило. Поначалу рядом с ним стоял я или Корень. Мы рассказывали врачу, какие именно травмы получил наш рукопашный боец после очередной схватки. Руководствовались при этом тем, что сумели заметить во время боя. Только угрозой не выпустить в следующий раз на арену можно было заставить Тараса говорить, но и тогда он выкладывал далеко не все.

— Спасибо, что захватил мой тесак, — кивнул я Тарасу, удерживая его за локоть. — Ты как?

— Драться смогу, — важно кивнул тавричанин свежесбритой головой, — и больше столько ударов не пропущу.

— Ты смотри, здесь медкомиссия строгая, — решил немного пострадать его я. — На играх для принца

Глава I. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

должны быть только здоровые бойцы. Если ты что-то от меня скрываешь, то лучше сразу расскажи.

— Да все хорошо со мной! — резче, чем следовало, ответил мне Тарас. — Говорю же, жить буду и драться завтра смогу. Что еще надо?

— Надо, — не отпуская его локтя, произнес я, — чтобы ты на своих ногах потом с арены ушел.

— Да хватит уже! — вспыхнул Тарас, рывком освобождаясь, хотя если бы я не отпустил его, то вырваться он вряд ли бы смог. — Я в полном порядке. Сколько еще раз мне надо повторить, чтобы это дошло до тебя, командир?

— Не дерзи мне, Тарас, — осадил его я. — Я отвечаю за всех и должен быть уверен в каждом, кто завтра выйдет на арену Колизея.

— Во мне, стало быть, ты уже не уверен? — взбрыкнул тавричанин. Он даже голову наклонил, будто бодливый бычок.

— Уверен, — успокоил его я, — но проверить никогда не вредно, верно? — Я подмигнул ему, пытаюсь свети все к шутке. И сразу понял — мне это не удалось.

Тарас кивнул в ответ, но ничего говорить не стал. Он, осторожно ступая, спустился на каменную пристань и отошел к остальным бойцам моей группы.

— Зря ты Тараса так завел, — покачал головой Корень, проходя мимо. — Он теперь на тебя дуться будет, словно дитя малое.

— Я его еще и завтра заведу как следует перед боем, пускай позлее будет.

— Хочешь, чтобы побыстрее с врагом разделался, без лишних движений?

Я только кивнул в ответ — Корень снова угадал мои мысли, даже не задавая наводящих вопросов. Мы

слишком хорошо знали друг друга, чтобы нуждаться в них. Была у Тараса еще одна страстишка. Начиная в цирке, как и многие игроки-рукопашники, он был склонен к мелким эффектам, рассчитанным на зрителя. И далеко не всегда понимал, когда они уместны, а когда нет. Именно из-за нее он и пропустил те несколько ударов от противника в Гамбурге, что едва не отправили его на больничную койку. Но если Тараса хорошенько разозлить перед боем, то он мгновенно забывал обо всей театральности и начинал вымещать накопившееся зло на противнике. Это мне и было от него нужно в предстоящей схватке. Желательно начинать злить тавричанина загодя, потому что он был человеком по натуре спокойным.

Когда Корень сошел на берег, я закинул на плечо принесенный Тарасом тесак и, кивнув на прощание Смиту и его сыну, последовал за своими людьми.

От пристани до окружавших Колизей казарм была всего пара кварталов, однако стоило отойти от нее на десяток шагов, как к нам заспешил патрульный бобби. Немолодой уже полисмен был грузным, что ничуть не сказывалось на его резвости, только лицо с каждым шагом наливалось кровью.

— Стойте-стойте! — загодя закричал нам он. — Вы кто такие, чтобы шататься по городу с оружием?

— Городовые всюду одинаковы, — философски изрек Князь. — Ведь знает же, шельма, кто мы такие, а все равно бежит уже за взяткой.

— О чем это вы тут сговариваетесь?! — еще громче закричал бобби, конечно же не понявший ни слова из того, что сказал Ломидзе. — Не смей болтать здесь на вашем варварском наречии при носителе власти.

Глава I. ЛОНДИНИУМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

Да уж, картлиец был прав на все сто. Мы много поколесили по Европе, разве что за Пиренеями не бывали. Всюду мелкие представители власти, будь то таможенные чиновники или вот лондиниумские бобби, были похожи, словно яйца из одной корзинки. Всем надо было только сакраментального «тащить и не пущать».

— Мистер,— выдал я наилучшую из своих улыбок, явно польстив простому полисмену,— разве вы не видите, на какую пристань Темзы мы вышли? Я и мои друзья игроки, приглашенные их величествами на Большие игры в честь юбилея принца Альберта.

— Их высочества принца,— поправил меня ворчливым тоном бобби.— Предъявите приглашение.

Я опустил тесак, упрятанный в кожаный чехол, уперев его широким концом в мостовую, вынул из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумагу, украшенную гербовой печатью.

— Все честь по чести, мистер,— заявил я, протягивая приглашение бобби, а пока тот возился с ним, вода по бумаге не слишком чистым пальцем, вытянул из кармана полновесную крону и отдал ее в обмен на приглашение.— Быть может, вы, мистер, могли бы оказать услугу и проводить нас до казарм, чтобы в дальнейшем у нас не было недопонимания с представителями лондиниумской полиции?

— Казармы — это как раз край моего участка,— важно кивнул бобби, пряча монету,— и я всегда рад оказать небольшую услугу гостям нашего королевства.

Так поступить было проще, чем терять время, показывая бумагу каждому встречному полисмену.

Теперь мы уверенно шагали по улицам Лондиниума вслед за сияющим не хуже полученной монеты бобби. Однако прошли все равно немного. На сей раз нас